

Русская мысль. Париж - 1996. -

ТЕОРЕМА ПЛАВИНСКОГО

1 февр. - с 15.

Выставка "Эхо античных руин"
в нью-йоркской галерее Мими Ферст

Второй раз со времени своего переезда в Нью-Йорк в 1991 году Дмитрий Плавинский поражает этот выдавший виды город. Вначале это была картина "Манхэттен-фиш", наш остров в виде доисторической рыбы, в чешуе которой застряла схема нью-йоркской подземки, — вещь, магически сплавившая комическое с космическим.

Надо же, сколько времени ждал этот невероятный город своего поэта! И дождался.

Теперь музыка современного американского композитора Джорджа Крамба встрети-лась с древнегреческим храмом Афайи. Нотопись композитора и силуэты дорических колонн на холсте Плавинского призваны выразить мысль, преследующую художника уже больше 30 лет: "Линии судьбы разновременных культур человечества, переплетаясь друг с другом, дают хиромантический отпечаток руки Единого Времени". Выставка предоставила возможность взглянуть в линии судьбы, оставленные колыбелью нашей цивилизации — античным миром.

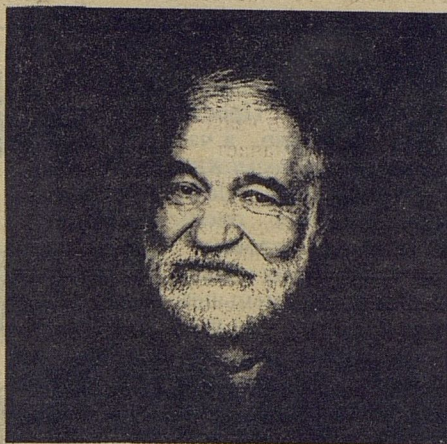
На открытии выставки "Эхо античных руин", которая недавно прошла в Сохо в галерее Мими Ферст, работающей в основном с художниками из России и Восточной Европы, был, как говорится, "весь Нью-Йорк": еще бы, Плавинский — художник мировой известности, художник ныне редкий — из тех, что "спасают красоту" в нашей рассыпающейся на глазах цивилизации, художник, всегда завораживающий своей любовью к тайне мира. Художник-философ, художник-поэт.

На вернисаже было не повернуться. О том, чтобы смотреть картины, и речи не могло идти. Вернее, смотреть-то можно, но *видеть*... Видеть их мне повезло в полном одиночестве перед самым закрытием выставки.

Непомерно трудную, как всегда, задачу поставил перед собой Дмитрий Плавинский. Пространство холста отдается символам, и результатом становится не их арифметическая сумма, а некая новая реальность.

Такой "суммой" (или "интегралом") получилась у Плавинского изысканная в своей строгости инсталляция "Кносский дворец", выстроенная вокруг мифа о Минотавре с его лабиринтом, эта протяженная метафора прорастания новой жизни сквозь прах ушедшей. Как произведение "концепта", синтезирующего идеи, символы, знаки, она насыщена, выполнена смело. Рискованно — если судить по пластической разьединенности компонент, — настолько, что встает вопрос о цельности, органичности суммарного образа. Что это — в самом деле живой образ или иллюстрация?

Особенно сильной вещью мне представляется "Исчезновение": руины храма Афайи удаляются от нас как бы в замедленной киносъемке, претворяясь в нарастаю-

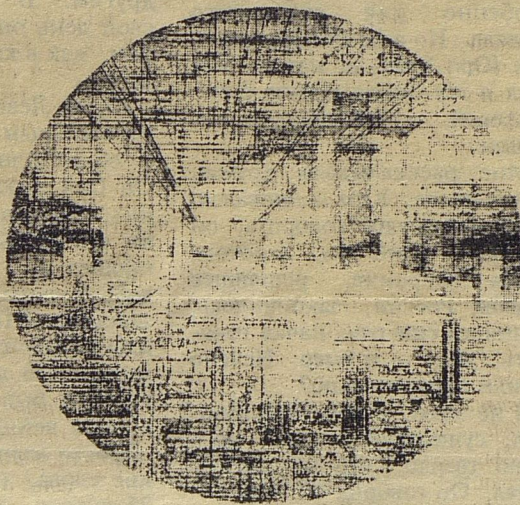
Дмитрий Плавинский.

щую музыку. Это и пейзаж времени, и символ памяти. Объект — храм — одновременно удаляется и приближается; ничего подобного в живописи мне не вспоминается.

А в целом чем, как не безоглядной любовью к теням забытых предков (древних греков), воссоздано Плавинским это звучное, сияющее эхо античного мира? Из этого источника гармонии бьет свет, освещающий пейзажи Времени, порой даже миражи Времени ("Мираж в Эгейском море").

И ярче всех светится "Теорема Пифагора", проступающая белым на белом за счет контрастов в фактуре красок. Это своего рода шедевр минимализма. Сначала воспринимаешь картину как фирменный знак античного мира, раскрытый символ, не требующий сотворчества.

Но в какой-то момент вдруг

Д. Плавинский. Точка схода.

подкатывается догадка, что дело вовсе не в этом, что это "теорема" не только Пифагора, но и Плавинского, что, пожалуй, надо разобраться в том, что он здесь доказывает и показывает, и вообще к какому виду живописи принадлежит эта вещь? Что это — абстрактная живопись или концептуальная? Или фигуративная, где объекты — геометрические фигуры, известные персонажи геометрии?

И ведь определенно есть сюжет во всем этом и за пределами геометрии — весьма богатый, длинный, глубокий, уходящий в тысячелетия. Этот отсутствующий сюжет и становится содержанием произведения. И каждый человек переживает его по-разному и каждый раз по-новому.

Неожиданно сверкающий белый холст оказывается тем самым айсбергом (каким Хемингуэй видел настоящий "текст"), в колоссальную подводную часть которого вписана наша культура.

ЛИДИЯ ПАНН

Нью-Йорк